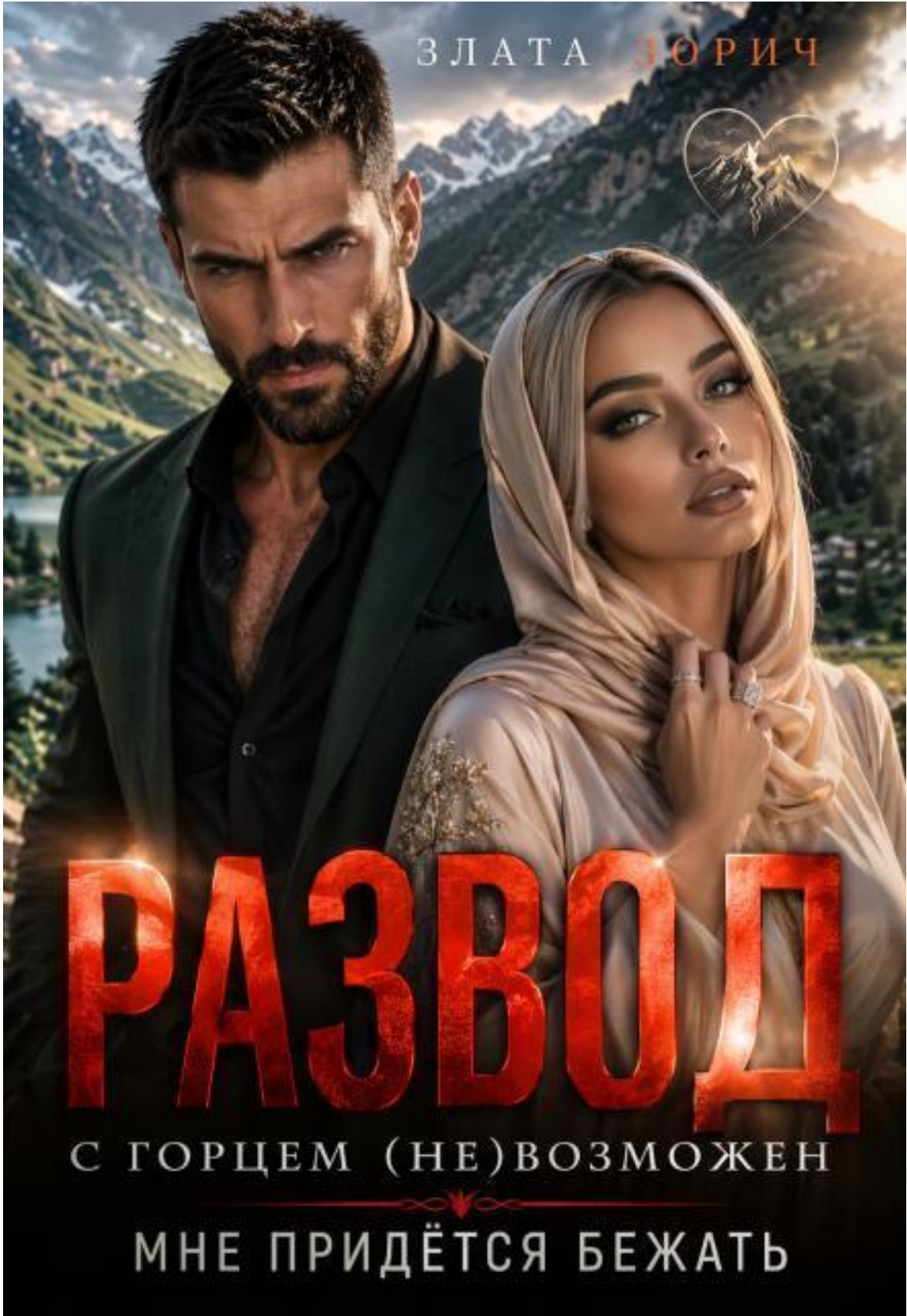

ЗЛАТА ЗОРИЧ

РАЗВОД

С ГОРЦЕМ (НЕ)ВОЗМОЖЕН

МНЕ ПРИДЁТСЯ БЕЖАТЬ

Злата Зорич

**Развод с горцем (не)возможен!
Мне придётся бежать...**

«Литнет»

2025

Зорич З.

Развод с горцем (не)возможен! Мне придётся бежать... /

З. Зорич — «Литнет», 2025

— Кто? — спросил он сразу.— Чудесная малышка! Хотите взять на руки?Но «счастливый» отец уже отвернулся. Вышел молча, не удостоив взглядом ни меня, ни свою дочь.Когда-то я поверила в сказку — и жестоко поплатилась за это.Я сменила имя, веру и стала преданной женой мужчины, который казался мне опорой и защитой. Но за закрытыми дверями нашего дома сказка очень быстро превратилась в кошмар.Он хотел, чтобы я не просто смирилась с появлением второй жены, но ещё и прислуживала ей. И всё это потому, что мне так и не удалось родить ему сына...Побег стал единственным шансом выжить.Теперь я сама работаю в кризисном центре, помогая женщинам, пережившим то же, что и я.Но прошлое не уходит бесследно...Это история о любви, превратившейся в триллер побега, который стал спасением и о том, что даже самые страшные шрамы на сердце могут стать началом новой любви — если найти в себе силы снова поверить.ХЭ для достойных!

© Зорич З., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Визуализация героев	7
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	22
Глава 9	25
Глава 10	27
Глава 11	30
Глава 12	33
Глава 13	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1

Сначала боль накатывала волнами. В редкие паузы между схватками, я цеплялась за них как за спасение, пока не поняла — передышек больше не будет. Боль стала непрерывной, густой, вязкой, как расплавленный металл, который заполнил всё внутри меня, не оставляя ни пространства, ни права на слабость.

А потом я и вовсе перестала быть человеком и сама превратилась в боль — в её проводник, в её оболочку. В ушах стоял непрерывный гул, будто я погружалась под воду всё глубже и глубже, словно я тонула и никак не могла выплыть.

Врач просил дышать правильно, смотреть на него, беречь силы, но силы уже давно закончились, и я делала всё на каком-то почти животном уровне, цепляясь за край сознания только потому, что внутри меня всё ещё был ребёнок.

Всё это время рядом со мной был он.

Но мой муж не держал меня за руку, не поддерживал, не искал моего взгляда, не пытался разделить со мной происходящее. Он просто присутствовал — напряжённый, собранный, неподвижный, и я физически ощущала его взгляд, направленный не на меня, а сквозь меня, как будто я была лишь средством, через которое должен появиться на свет результат. Он не доверял снимкам УЗИ, не доверял словам врачей, и потому пришёл сюда сам — чтобы убедиться.

От его присутствия боль становилась острее. Каждая схватка сопровождалась ещё и мучительной мыслью о том, что сейчас меня оценивают. Будто рождение ребёнка — экзамен, который я могу провалить. Будто моё право на любовь и уважение зависело от того, кто именно родится.

— Мадина, дыши. Смотри на меня, — просил врач.

Я пыталась, но всё было тщетно.

— Схватки слабые, — сказала акушерка после очередной попытки. — Мы теряем время.

— Можно сделать кесарево, — предложил врач. — Так будет безопаснее. И для неё, и для ребёнка.

Эти слова прозвучали как спасение, как единственный выход из этого бесконечного круга страдания.

Муж молчал.

Потом сказал ровно:

— Нет. Пусть рождает сама. Она справится.

— Это вторые роды подряд за короткое время, — врач нахмурился. — Организм ослаблен.

— Я сказал — она справится! Должна!

Я закрыла глаза.

Мне хотелось сказать, что я не справляюсь. Что я уже давно за гранью. Что боль такая, что темнеет в глазах, и я боюсь в какой-то момент просто не вернуться в сознание.

Но я знала: мой голос не решает ровным счётом ничего.

Я позволила боли накрыть меня полностью, потому что сопротивляться ей больше не было сил. Я чувствовала, как тело горит, как мышцы сводит судорогой, как боль вспарывает меня изнутри, не оставляя даже возможности кричать — только хрипеть, теряя голос.

Вдруг дикий крик вырвался из груди — рваный, отчаянный, лишённый всякого достоинства, крик существа, доведённого до предела.

А потом всё внезапно закончилось.

Я услышала плач — тонкий, пронзительный.

— Кто? — спросил муж сразу же, не дав мне ни секунды опомниться.

— Поздравляю! — ответил врач. — У вас чудесная малышка! Хотите взять на руки?

Но «счастливый» отец уже отвернулся. Он вышел молча, не удостоив взглядом ни меня, ни нашу дочь, словно в палате больше не было никого, заслуживающего его внимания.

Мне положили ребёнка на грудь, и её тёплое, живое тельце стало последней каплей. Я прижала малышку к себе и разрыдалась.

Потому что любимый даже не пытался скрыть своего разочарования.

Я плакала от боли, от унижения, от страха перед тем, что ждёт нас дальше. От осознания, что в тот самый момент, когда на свет появилась наша дочь, мой муж уже мысленно был где-то в другой жизни, где для меня и моих девочек не было места.

Я думала о его словах, брошенных им когда-то в ссоре — злых, резких. Тогда я не поверила, что он может так со мной поступить, но теперь...

Теперь же, лежа с ребёнком на груди и слушая её дыхание, я по-настоящему испугалась.

— Вы молодец, — сказала с улыбкой акушерка, вытирая мне пот со лба. — Вы справились!

Я действительно справилась, но радости не было. Я смотрела в потолок и думала о том, что будет дальше.

Возьмёт ли он теперь вторую жену?

Приведёт ли её в наш дом? Будут ли у него другие дети от другой женщины? "Правильного" пола?

Будет ли он смотреть на меня теперь так всегда — словно я ошибка, которую нужно исправить.

Он не был таким, когда мы встретились!

Когда его любовь превратилась в требование?

Когда я перестала быть любимой женщиной — и стала функцией?

Визуализация героев

Дорогие читательницы! Встречайте нашу прекрасную героиню!

Мадина Ибрагимова (в прошлом Марина Салибекова)

Марина родилась в небольшом городе недалеко от Москвы, в семье смешанных культур: её мать была русской, отец — выходцем с Кавказа. Её детство прошло между двумя мирами — с постоянным ощущением, что она нигде «не своя».

Когда она была совсем маленькой, её отец трагически погиб. В юности тяжёло заболела её мама. На помощь семье приехал дальний родственник со стороны отца — Ислам. И это встреча оказалась роковой для юной девушки.

Ради него Марина сменила имя и веру и стала покорной женой и матерью в традиционной семье.

Глава 2

Он пришёл только на следующий день, когда боль уже не была такой острой, но стала постоянной — тянущей, ноющей, расползающейся по телу, как напоминание о пережитом кошмаре. Моя роскошная частная палата, больше похожая на номер дорогого отеля, пахла лекарствами и детским молоком. За окнами располагался тихий, зеленый дворик.

Но в этом тоскливом, сером утре для меня не было ни намёка на радость.

Дверь открылась без стука.

Он вошёл так уверенно, словно это место тоже принадлежало ему, словно это была не больничная палата, а его дом, где он имел полное право на всё. Посмотрел на меня мельком, на секунду задержал взгляд на ребёнке и сразу же отвёл глаза, будто даже этот взгляд был лишним.

Потом сел на стул напротив кровати, сложил руки на груди и несколько секунд молчал. Я почувствовала, как напряжение в комнате нарастает. Воздух становится тяжёлым, сердце начинает биться быстрее. Не от страха, а, скорее, от предчувствия чего-то неотвратимого.

— Врачи сказали, что с тобой всё нормально, — произнёс он наконец. — Значит, мы можем поговорить.

Я подняла на него глаза.

— О чём?

Он вздохнул — коротко, нетерпеливо, словно разговор уже изрядно утомил его.

— О том, что я буду делать дальше. С тобой...

Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Девочка. Снова, — продолжил он, глядя прямо на меня. Бросил эти слова мне в лицо, словно это какое-то страшное оскорбление.

Я молчала, виновато опустив глаза.

— У меня должен быть сын.

Эти слова легли на меня тяжёлым грузом, придавили к кровати, не давая вдохнуть.

— Я долго думал, — добавил муж после минутной паузы. — Из-за состояния твоего здоровья это, скорее, необходимость, чем прихоть... Так что... Я возьму вторую жену.

В палате стало слишком тихо. Даже дыхание ребёнка показалось в этот момент оглушительным.

— Так будет правильно.

— Правильно для кого? — прошептала я.

Он слегка нахмурился, будто не понял вопроса.

Я посмотрела на свои руки — дрожащие, ослабевшие. На ребёнка, прижатого к груди. Потом перевела взгляд на мужчину, который когда-то говорил мне о любви и о том, что я — его единственная.

— А я? — спросила тихо, опустив глаза. — Что будет со мной? Об этом ты подумал?

Он пожал плечами.

— Ничего не будет. Ты останешься моей женой. Матерью моих детей. Тебе нечего бояться, если ты будешь вести себя правильно.

Это слово — *правильно* — обожгло.

— Я не смогу, — прошептала еле слышно. Мне так непривычно было ему перечить! — Я не смогу так жить... Ислам, прошу тебя... Не поступай так со мной!

Он наклонился вперёд, и в его взгляде появилось раздражение.

— Сможешь. — отрезал он. — Куда ты денешься? Ты уже многое смогла...

Я поняла, что он говорит о моём прошлом. О том, что я отказалась от своего имени, своей веры, своей жизни... Ради того, чтобы быть с ним. Как я научилась молчать, терпеть, подстраиваться...

— Ты будешь уважать моё решение, — продолжил он. — И мою вторую жену тоже. Это твой долг.

— А если я не соглашусь?

Он бросил быстрый взгляд на дверь, потом снова на меня — холодно, убийственно-спокойно.

— Тогда тебе будет тяжело. Но всё равно придётся...

Он поднялся, поправил куртку и ушёл. Дверь закрылась за ним мягко, почти бесшумно.

Я снова осталась одна — на самом дне горького отчаяния. Прижала дочь к себе и почувствовала, как слёзы медленно, беззвучно катятся по щекам.

Но тогда я ещё не знала, что это только начало моего пути, полного горестей и унижений...

Глава 3

Выписка должна была быть праздником. На деле же это оказалось испытанием, к которому моё тело и душа были совершенно не готовы. Да, мне хотелось побыстрее оказаться дома, но просто так уехать я не могла. Я должна была пройти через роскошную церемонию, так неуместную сейчас.

После тяжелейших родов меня долго зашивали. Теперь я боялась пошевелиться — каждое движение отзывалось тянущей, жгучей болью где-то глубоко внутри. Я не могла сидеть — было больно. Не могла стоять — ещё больнее. А сегодня ещё пришло молоко — грудь налилась так, что даже касаться её было больно

— Вам нужно одеться, — сказала медсестра. — Ваши родственники уже приехали.

Мои родственники? Среди людей, собравшихся возле роддома, не было ни одной родной души. Это были родственники мужа, а у меня самой не было никого. Уже несколько лет я — круглая сирота.

Мне принесли платье. Дорогое, роскошное. Ткань была плотной, тяжёлой, чужой на теле, которое нуждалось не в роскоши, а в покое и тишине. Я смотрела на себя в зеркало и едва узнавала — бледное лицо, запавшие глаза, губы без цвета. Только одежда кричала о благополучии, словно пыталась заглушить правду.

Когда меня вывели в холл, яркий свет ударил по глазам. Пространство закружилось, и я на секунду испугалась, что упаду — здесь, на глазах у всех, разрушив тщательно выстроенную картинку.

Ислам был безупречен. Дорогой костюм, спокойное лицо, уверенная осанка. Он выглядел так, будто приехал не за женой и новорождённой дочерью, а на важную встречу, где всё должно соответствовать статусу.

Рядом с ним толпились улыбающиеся люди, держащие в руках огромные букеты. Ислам даже заказал профессионального фотографа!

Он подошёл — не обнял меня, не спросил, как я себя чувствую. Просто протянул букет, который был огромным и чудовищно тяжёлым. Алые розы, перевязанные лентой, пахли резко и навязчиво. Я взяла его — и тут же почувствовала, как руки задрожали.

Никто не заметил, как я пошатнулась.

Меня окружили поздравлениями, кто-то восторженно ахал, глядя на платье, на цветы, на нашу идеальную картинку «счастливой семьи». Я улыбалась. Улыбалась изо всех сил, потому что знала — я обязана поддерживать иллюзию, которую создал Ислам. Внутри меня было пусто и больно, но снаружи должен быть праздник.

— Ну что, брат, — раздался голос и за ним короткий смешок, — опять принцесса?

— Значит, в доме будет красота, — добавил другой. — Девочки — это тоже хорошо. Но ты, смотри, главное на этом не останавливайся!

— А если и третья будет девочка? — сказал кто-то. — Не останавливайся и на этом! Продолжай творить красоту!

— Главное, чтобы в следующий раз был наследник, — сказал кто-то уже почти шёпотом.

Ислам усмехнулся — краем губ, стараясь не показывать, насколько сильно оскорблён этими фразами.

Я смотрела на него и вспоминала, как когда-то он говорил, что дети — это благословение. Что он будет благодарен Аллаху за каждого. Он был таким внимательным. Тёплым. Любящим. Говорил, что я — его выбор, его судьба.

Сейчас я видела, как напряжена его челюсть, как резко очерчены скулы. Он был в бешенстве. Я чувствовала это кожей, так же отчётливо, как боль в собственном теле.

Подколы родственников задели его сильнее, чем он позволил себе показать. Они били по его мужскому самолюбию, по статусу, по той картинке, которую он обязан был держать перед другими.

И я знала: это не исчезнет. Это найдёт выход позже. Когда гости уйдут, когда шум стихнет, когда не останется свидетелей, вся эта едва сдерживаемая ярость найдёт того, на ком можно будет её выплеснуть...

На меня?!

Дома столы ломились от еды. Мясо, сладости, фрукты, выпечка — всё было расставлено с такой щедростью, словно это был не день моего возвращения после тяжёлых родов, а праздник, устроенный для того, чтобы показать достаток и благополучие. Женщины суетились, поправляли скатерти, перекладывали блюда, а мужчины рассаживались, громко переговариваясь.

Мне хотелось только одного — лечь. Побывать в тишине вместе с моими девочками.

Но моих желаний будто не существовало.

Передо мной поставили тарелку. Кто-то сказал, что мне нужно есть, восстанавливаться, быть сильной.

Я смотрела на еду и понимала, что не могу. В горле стоял ком, желудок сжимался от усталости и тревоги.

Долг обязывал меня быть здесь — сидеть, улыбаться, принимать поздравления, отвечать на вопросы, благодарить за подарки. Я знала, как *положено*. Я выучила это слово слишком хорошо. Положено быть спокойной. Положено не жаловаться. Положено не выносить своё состояние на всеобщее обозрение. Положено помнить, что я — жена большого человека и обязана держать лицо.

Прислуживать, к счастью, мне не приходилось. В нашем доме была прислуга, и мне не нужно было вставать, наклоняться, суетиться. В этом смысле моя жизнь выглядела почти безупречно — богатство, достаток, комфорт.

Я ждала, что Ислам подойдёт и скажет, что мне можно уйти. Что он отпустит меня наверх, к детям, к кровати, к тишине.

Но он не подходил.

Иногда наши взгляды пересекались. Всего на секунду. И в эти секунды я не видела там тепла. Только усталость. Раздражение. Отстранённость.

Мне хотелось только одного — остаться с мужем наедине и понять, что между нами ещё что-то есть. Что он всё ещё мой. Что этот холод — временный. Что мы справимся.

Но между мной и Исламом росло расстояние, которое уже невозможно было сократить ни долгом, ни терпением, ни правильным поведением.

И от этой мысли мне стало холодно — в этом тёплом, богатом, полном людей доме.

В какой-то момент Ислам поднялся из-за стола. Шум в комнате стих.

— Мадина, — сказал он.

Я вздрогнула и подняла на него глаза.

Он сделал шаг ко мне и протянул бархатную коробку. Я уже догадывалась, что в ней.

Он открыл её и повернул так, чтобы все увидели. Внутри лежало кольцо — крупный камень ловил свет люстр, переливался, искрился.

Кольцо было почти таким же, как то, что уже было на моей руке.

Первое он подарил после рождения Амины. Тогда я плакала от счастья — мне казалось, что это благодарность. Любовь. Признание.

— Это тебе, — сказал Ислам ровно. — За дочь.

Он взял мою руку. Его пальцы были холодными и твёрдыми. Надел кольцо медленно, демонстративно, будто выполнял ритуал, который нужно завершить до конца.

— Дороговато за девчонку, — сказал один из мужчин, явно в шутку, но достаточно громко. — Ислам, ты её балуешь.

Раздался смех.

Я увидела, как у мужа напряглись скулы. Как он на мгновение сжал мою руку чуть сильнее, чем нужно. Его лицо осталось спокойным, но я знала — внутри у него бушует ярость.

— Моя жена достойна самого лучшего, — сказал он спокойно.

Я опустила глаза. Посмотрела на свою руку. Теперь на ней было два почти одинаковых кольца. Два тяжёлых камня. Два символа, которые должны были говорить о ценности, а говорили совсем о другом.

Я приняла подарок так, как положено. Склонила голову перед мужем.

— Благодарю, — сказала тихо.

Он кивнул. Не обнял. Не посмотрел мне в глаза.

Это кольцо было не про любовь. Не про благодарность за то, что я выносила, родила, выжила.

Он сделал этот подарок не потому, что хотел, а потому, что был обязан. Потому что так положено. Так будет правильно.

Я села на своё место, чувствуя тяжесть на пальце и чудовищную пустоту внутри.

Глава 4

Ближе к ночи дом начал пустеть. Сначала стих смех, потом гул голосов — словно волна медленно откатилась назад, оставляя после себя усталость и липкую тишину. Я уже не улыбалась. Мне больше не нужно было держать лицо.

Воспользовавшись моментом, я ускользнула на второй этаж. Грудь ныла, требуя немедленно приложить к ней ребёнка.

В детской ночник отбрасывал тёплый свет на кровать. Я подошла к ней, наклонилась, и в этот момент всё остальное — гости с их язвительными намеками, холод и отстраненность Ислама — будто отступило.

Она была такая маленькая, такая беззащитная! Я осторожно взяла её на руки, прижала к себе и села, стараясь найти положение, в котором не будет слишком больно. Она сразу же заворочалась, нашла грудь. Я прикрыла глаза.

— Потерпи, — прошептала я больше себе, чем ей. — Мы справимся...

Вдруг на своей кровати заворочалась Амина. Минутой позже она открыла глаза.

— Мамочка... Я так соскучилась!

Амина подползла ближе, протянула пальчик и дотронулась до щёчки сестры.

— Она такая крошечная, — сказала она с благоговением. — Я буду её защищать!

У меня защемило в груди.

— Конечно, — ответила я и посмотрела на неё. — Ты у меня такая смелая и добрая!

Я снова посмотрела на своих девочек — одну у груди, другую рядом — и почувствовала, как слёзы подступают к глазам. В этот момент мне стало ясно как день: всё, что у меня по настоящему есть — это они.

Не роскошный дом, не дорогие кольца, не статус жены влиятельного человека.

Только эти две жизни, зависящие от меня, доверяющие мне полностью.

Я поцеловала макушку младшей, провела рукой по волосам старшей. Амина была копией моей мамы.

Иногда мне казалось, что судьба просто вернула мне её — в этом детском лице, в разрезе глаз, в упрямом подбородке. Моя мама умерла задолго до её рождения, и всё же жила в ней — наперекор смерти.

Я перевела взгляд на младшую. Здесь всё было иначе. Она была точной копией своего отца.

Тот же нос. Те же губы. Даже нахмуренные во сне брови — точь-в-точь как у него, когда он сердился или о чём-то напряжённо думал. Я поймала себя на том, что держусь за эту мысль, как за спасательный круг. Что во мне, усталой, измотанной, всё ещё жива наивная надежда: если он увидит себя в ней, если узнает свои черты, своё отражение — его сердце смягчится.

Очень скоро Амина снова уснула — вымотанная долгим днём, полным впечатлений. Я поправила одеяло, провела пальцами по её волосам и тихо вышла с малышкой на руках.

Спустилась вниз медленно, осторожно, держась за перила. Без гостей дом казался таким огромным и пустым! Следы праздника ещё оставались — недопитые бокалы, смятые салфетки, запах алкоголя и еды, тяжёлый, вьёвшийся в воздух.

Ислам сидел в гостиной совсем один.

Он устроился в кресле, откинувшись назад, рубашка была расстёгнута у ворота. В руке — бокал. Он сидел и смотрел в пустоту, как человек, внутри которого что-то кипит, но не находит выхода.

— Ты... пьёшь? — спросила я растерянно.

— Сегодня можно, — сказал он глухо. — У меня же праздник...

— Праздник? — удивилась я. — Не говори, что это праздник для тебя. Ты даже не взял её на руки. Ты даже не посмотрел на неё!

— А что я там не видел? — бросил Ислам раздражённо. — У меня уже есть одна. Эта точно такая же...

Я сделала шаг к нему.

— Посмотри на неё, Ислам, — потребовала я с неожиданной для меня настойчивостью. — Посмотри... Просто посмотри, умоляю!

Я осторожно повернула ребёнка так, чтобы свет падал на её лицо. Всё в ней кричало о нём. О его крови. О его продолжении.

— Видишь? Она так похожа на тебя. Это же ты... твои черты, твой взгляд. Она твоя девочка.

Он посмотрел — внимательно, сосредоточенно. Несколько секунд, которые показались мне вечностью. Моё сердце билось так сильно, что, казалось, он должен был его услышать.

— Возьми её, — попросила я. — Пожалуйста. Возьми её на руки.

Я протянула к нему ребёнка — так, как протягивают самое дорогое.

— Ей нужен отец. Мне нужен ты.

Он отвёл взгляд.

— Я её отец и всегда им останусь. Чего ты хочешь от меня, Мадина?

Я посмотрела на него умоляюще. Он знает, о чём я хочу его попросить!

— Она моя дочь, — сказал он. — Но это не отменяет того, что мне нужен наследник. Иди наверх. Ты устала. Ты еле стоишь на ногах. Не доводи себя.

Я уже повернулась, чтобы уйти, но вдруг остановилась.

— Ислам... — я обернулась.

Он поднял на меня глаза. Взгляд был мутным от выпитого.

— Ну что ещё?

— Как ты назовёшь свою дочь? — сказала я. — Ты же должен её назвать. Мы можем назвать в честь твоей матери...

На мгновение мне показалось, что он скажет что-то важное. Что в нём шевельнётся хоть что-то. Я даже задержала дыхание.

Он пожал плечами.

— Называй как хочешь, — сказал он равнодушно. — Мне всё равно.

Мне стало трудно дышать. Я посмотрела на ребёнка у себя на руках.

Всё равно.

Ислам отвернулся к столу, снова взял бокал, словно наш разговор был закончен, исчерпан, не стоил продолжения.

Я простояла так ещё несколько секунд, ожидая чего-то — сама не знаю чего. Потом отвернулась и пошла наверх.

И в этот момент поняла: если он отказался даже дать ей имя, значит, он уже отказался от нас. Если даже эта прекрасная малышка не смогла смягчить его сердце, то мне больше нечем его удержать.

Глава 5

Я перебирала имена, как чётки, снова и снова. Красивые. Сильные. Благозвучные. Те, что понравились бы Исламу. Те, что, возможно, заставили бы его посмотреть на неё иначе. Те, что могли бы что-то изменить.

Но ни одно не отзывалось.

Однажды ночью, когда Сафия — тогда ещё безымянная — уснула на моей груди, я подумала о женщине, о которой в этом доме говорили только благоговейным шёпотом. Та, что родила пятерых сыновей, и которая покинула этот мир едва младший из них достиг совершеннолетия. О матери Ислама.

Я прошептала её имя едва слышно — и малышка вдруг вздохнула во сне.

Я не знала, как именноотреагирует Ислам, когда узнает, но в глубине души надеялась: он не сможет остаться равнодушным.

— Я назвала дочь, — сказала я ему на следующий день.

— И как же? — спросил он без интереса.

— Сафия.

Он помолчал. В его лице ничего не дрогнуло. Ни одобрения. Ни возражения. Ни даже удивления.

— Делай как знаешь, — сказал он и отвёл глаза.

Ислам почти не бывал дома. А если и бывал — мыслями был явно где-то далеко. Он не заглядывал в детскую. Не спрашивал. Не интересовался. Выходил из дома рано, возвращался поздно, ел молча, отвечал коротко и по делу.

Он стал таким отстранённым!

Иногда мне казалось, что я живу рядом с тенью — человеком, который физически здесь, но мысленно уже где-то в другом месте. В другой жизни.

Я ловила себя на том, что прислушиваюсь к каждому его шагу, каждому жесту, каждому взгляду, пытаюсь угадать, что же ждёт нас впереди. Он не напоминал о решении, о котором сообщил мне на следующий день после родов, но по-прежнему был очень холоден.

Я ждала — вот-вот муж оттаёт. Может быть, всё ещё обойдётся. Может быть, он передумает. Может быть, это была только его злость, только пустые слова, и он же всё-таки любит меня и наших девочек...

Я запрещала себе думать наперёд. Мне было проще жить в заботе, в рутине, в усталости. В мире, где самое важное — чтобы ребёнок поел и уснул.

Прошли месяцы.

Иногда Ислама не было сутками — командировки, встречи, дела. Но так было всегда: он был серьёзным человеком и очень занятым.

Когда он возвращался особенно поздно, я смотрела на него и думала: где же ты был? — но не задавала вопроса. В нашем доме вопросы мог задавать только один человек, и это, очевидно, был Ислам.

Было уже далеко за полночь, когда я услышала шум у ворот: рокот моторов, голоса, шаги, смех. Я встала, накинула платок и быстро спустилась вниз.

Дверь открылась, и Ислама почти внесли.

По обе стороны от него были его братья — они держали его под руки, переглядывались, посмеиваясь между собой. Ислам еле шёл: ноги путались, плечи были тяжёлыми.

Такого не было никогда.

Никогда!

Он не позволял себе слабости. Не позволял себе потери контроля.

— Осторожно, — сказал один из братьев вполголоса. — Давайте его сюда, на диван.

Я застыла как вкопанная, не узнавая собственного мужа.

— Зачем вы... — начала я, но осеклась от их взглядов.

— Всё нормально, — сказал один из братьев сухо. — Помоги ему сама и не буди никого.

Потом они переглянулись, коротко кивнули друг другу и вышли так же быстро, как появились, оставив меня с мужем наедине.

— Ислам... Ты никогда... — слова застряли в горле. — Не позволял себе такого...

Он улыбнулся. В этой сдержанной улыбке было что-то торжествующее.

— Всё бывает в первый раз...

Я почувствовала, как внутри меня что-то дрогнуло — облегчение. Странное, болезненное облегчение. Потому что видеть его таким — живым, уверенным, довольным — было счастьем!

«Наконец-то, — подумала я. — Наконец-то он снова улыбается!»

— Мне радостно видеть твою улыбку, — сказала я ему. — Ты давно не был таким.

Он усмехнулся.

— Редко случаются такие хорошие дни.

Я смотрела на него и радовалась. Глупо. Отчаянно. Потому что мне так хотелось верить, что всё плохое осталось позади!

Я подняла его пиджак, который он скинул на пол, аккуратно расправила его на спинке кресла. Потом помогла ему разуться, принесла воды.

И затем позволила себе снова взглянуть на его лицо. Оно было таким светлым, таким счастливым, словно напряжение, копившееся месяцами, вдруг мигом сошло с него. Он сидел, слегка улыбаясь сам себе, словно прокручивал в голове что-то приятное, что-то своё, куда мне не было доступа.

Я смотрела на него, впитывая каждую деталь — как разгладилась складка между бровями, как мягче стали черты, как исчезла глухая отстранённость. Мне хотелось верить, что эта ночь каким-то чудом всё изменила, что внутри него всё наконец-то встало на свои места.

«Может быть, всё обошлось, — подумала я. — Может быть, я зря себя изводила. Может быть, это и правда хороший день...»

Я постояла ещё немного, потом всё-таки решилась.

— У тебя... — я запнулась, подбирая слова. — Случилось что-то хорошее?

Он посмотрел на меня так, словно только сейчас вспомнил о моём существовании.

— Да, — сказал он. В его взгляде сияла уверенность человека, у которого всё сложилось именно так, как он хотел.

И, прежде чем я успела что-то добавить, он протянул руку и бросил на стол листок.

Белый лист скользнул по столешнице и замер у самого края.

Сердце вдруг заколотилось так сильно, что мне пришлось сделать вдох, прежде чем подойти. Я взяла бумагу, развернула её, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой узел.

Это был медицинский бланк.

Я пробежала глазами по тексту, не улавливая смысла, а потом перечитала медленно, слово за словом, пока взгляд не зацепился за самое главное.

Пол плода: мужской.
Патологий не выявлено.

У меня закружилась голова.

— Это... — я подняла на него глаза. — Это что?

— Сын, — ответил он торжественно и гордо. — Это мой сын!

Глава 6

Я ещё раз посмотрела на бумагу, не веря ни глазам, ни ушам своим.

Слова будто были написаны не чернилами, а чем-то едким — они жгли глаза, разъедали мысли. И я наконец поняла, что Ислам шёл к этому результату все эти месяцы, пока я приходила в себя после родов и выкармливала нашу малышку.

Он трудился над зачатием, пока я, как последняя идиотка, надеялась на что-то.

— Сын... — повторила я тихо.

— Наконец-то! — воскликнул муж. — Аллах велик!

— И как это... Каким же образом это произошло?

Ислам рассмеялся.

— Не заставляй меня напоминать тебе о том, откуда берутся дети! Неужели ты успела об этом позабыть за то время, пока я не касался тебя?

— Просто я не понимаю... Как это вообще возможно? Как ты это допустил? Связь до брака... Беременность до брака... Это же... Харам!

Муж усмехнулся и посмотрел на меня снисходительно. Так смотрят на человека, который всё ещё верит в правила, когда ты давным-давно живёшь по своим.

— Я признаю, что это мой грех перед Всевышним, — сказал он. — Но я бы никогда и ни за что не пошёл на такой важный шаг вслепую. Мне нужен был стопроцентный результат! Стопроцентные гарантии!

— Гарантии... чего?

— Что будет мальчик! Ты думаешь, что я бы просто взял кого-то второй женой? Кого-то, кто может оказаться больной, бесплодной? Кого-то, кто будет рожать мне девочку?

— Ты... — я запнулась. — Ты хочешь сказать, что...

— Я бы никогда не женился снова, не зная наверняка. Я не собираюсь ещё раз выслушивать эти шуточки, ловить на себе эти взгляды, это сочувствие вперемешку с насмешкой. Мне нужен был наследник. И теперь он у меня точно будет.

— Но... Это же грех! — повторила я упрямо. — Ты сам учил меня, что...

Он махнул рукой, заставляя меня замолчать.

— Вот именно, что это я тебя всему учил. А тебе не стоит учить меня! Я просто не мог поступить иначе...

— А если бы там снова была девочка?

— Тогда никакой свадьбы бы не было, — ответил он спокойно. — Это же очевидно. Разве нет?

В этот момент что-то внутри меня окончательно сломалось. Я поняла, что всё это время жила рядом с человеком, который воспринимает женщин не как людей, а как функцию. Который говорит о наших детях, как о неудачных вложениях, которые он боится повторить. И для того, чтобы этого избежать, разрешает себе совершить грех...

— Ты должна быть благодарна, — сказал неожиданно Ислам. — У тебя есть большой дом, украшения, статус. Твои девочки никогда и ни в чём не будут нуждаться... У них есть и будет всё, что только можно пожелать.

Всё, но только не уважение и любовь родного отца... И я не чувствовала благодарности. Я смотрела на мужа и думала только об одном: *он не видит во мне человека*. И никогда не видел.

— А если я не соглашусь на это всё? — бросила я ему в лицо свою закипающую ярость. — Что тогда будет?

— Ты моя жена, Мадина! И ты никуда от меня не денешься. Ты должна!

— Вот именно, что я твоя жена! А она? Кто она такая? Что это за женщина, которая позволяет себе... — я запнулась, но всё-таки договорила, — спать с женатым мужчиной? Ты

боишься насмешек из-за пола ребёнка, но не боишься брать в жёны такую женщину? Внебрачная связь, беременность до никаха... Тебе не будет стыдно перед семьей?

Я смотрела на него прямо, не отводя глаз. Во мне уже не было робости — только возмущение, густое и горячее, как кровь, прилившая к лицу.

— Ты сам говорил, — продолжила я, — что честь женщины — это всё. Что репутация женщины — это всё. А она? Ей, получается, всё можно?

— Для неё это не такой уж и грех, — ответил Ислам спокойно. — Она не мусульманка, у неё другое воспитание. Другие рамки. Но после того, как мы проведём все необходимые обряды, никто и слова не сможет сказать про неё! И всё будет относиться к ней с уважением. И ты будешь!

Эти слова были как пощечина. Как плевок в лицо. Как нож под сердце.

— С... с уважением? — переспросила я.

— Да, — он выпрямился. — Она заслуживает почёт и уважение хотя бы потому, что дала мне то, что ты не смогла! Наденем на неё платок. Проведём все необходимые церемонии. Всё будет как положено. Никто и слова не скажет.

Перед глазами потемнело, и я схватилась за спинку стула, чтобы не упасть.

Никто и слова не скажет.

А мне говорили! Всегда.

Что отец «неправильно» меня воспитал. Что я пришла к вере слишком поздно. Что во мне всегда будет что-то не то и не так. Всегда чего-то недостаточно...

А тут беременная до брака от женатого и — никаких проблем.

— Значит... — сказала я с отчаяньем в голосе. — Значит, всё это было зря?

Он нахмурился.

— О чём ты?

— Всё, — я шагнула к нему. — Всё, через что я прошла. Меня годами тыкали в то, что мне нужно стараться больше. Быть тише. Чище. Правильнее. А теперь ты говоришь мне уважать девку, которая легла под женатого и забеременела от него?!

Ислам резко встал. Стул с глухим звуком упал на пол.

Он шагнул ко мне так резко, что я отпрянула.

— Замолчи! — рявкнул он. — Ты переходишь все границы!

— Нет, Ислам! Это ты перешёл их!

Его лицо исказилось. Никогда ещё я не видела в нём такой ярости.

— Я всегда тебя баловал, жалел... — произнёс он еле слышно. — Братья говорили мне: зря. Говорили, что я слишком мягкий. Отец говорил мне, что это — слабость. Что я не воспитываю жену так, как положено.

У меня внутри всё похолодело.

— А я защищал тебя, — продолжил он вкрадчиво. — Говорил, что твой отец просто не успел привить тебе того, что следовало, а мать не могла... Говорил, что тебе нужно время. Но теперь я вижу, насколько же сильно я ошибался...

Он усмехнулся, и в этой усмешке было что-то очень страшное.

— Вот к чему это привело! К твоей дерзости! Наглости! Хамству!

Его рука резко взметнулась вверх.

— Только попробуй, — сказала я тихо.

Глава 7

Я думала, что сейчас он меня ударит. Мысленно я уже была к этому готова — внутренне сжалась, ожидая боли, вспышки, толчка, который можно пережить, стиснув зубы.

Но то, что произошло потом, я не могла представить даже в самом страшном сне.

Он схватил меня.

Резко, грубо, так, что у меня вырвался короткий вскрик. Его пальцы впились в ткань моего платья, и прежде, чем я успела что-то сказать или сделать, оно с треском разорвалось, поддавшись его силе.

— Ты моя жена, — сказал он глухо. — И я напому тебе и твоё место, и твои... Обязанности.

Я попыталась вырваться, но куда там — он был гораздо сильнее меня. У меня не получилось даже дёрнуться — Ислам крепко держал меня в тисках своих «объятий».

Сначала я не поверила, что он способен на такое — это было короткое, обманчивое мгновение, когда разум ещё цепляется за прошлое, за привычный образ, за память о человеке.

Но потом я увидела его глаза.

Они наливались кровью, как тёмное вино в прозрачном бокале. Взгляд стал тяжёлым, бешеным, лишённым всякого сомнения.

Я уже понимала, чего он от меня хочет, и от этого понимания меня охватил холодный, животный страх.

После тяжелейших родов тело всё ещё не восстановилось. Мысли о близости — любой — вызывали у меня не только стыд и смущение, но и панику, и ужас.

— Пожалуйста... — прошептала я еле слышно. — Я не могу. Мне больно. Ты же знаешь это...

Он усмехнулся.

— Я ждал достаточно! К тому же... Это твоя обязанность!

— Иди к той, которая с удовольствием выполнит эту обязанность вместо меня! Пусть она теперь удовлетворяет твои инстинкты!

— К ней я больше не притронусь, пока она не родит. Я не рискую тем, что действительно ценно. Сейчас она — хрустальный сосуд.

— А я?

Но и без его ответа было понятно, что в его голове всё уже расставлено по своим местам. Одна — сосуд. Другая — ресурс. Одна — величайшая ценность. Другая — та, которую можно использовать.

Я рванула к входной двери — не думая, не рассчитывая, просто подчиняясь единственному желанию: убежать как можно дальше от человека, который на моих глазах превращался в животного.

Мне показалось, что я почти успела.

Но в следующую секунду резкий рывок дёрнул меня назад — так внезапно, что в глазах вспыхнули искры. Он схватил меня за платок. Ткань натянулась на шее, передавила дыхание, и я захрипела.

Платок слетел с головы и остался у него в руке. Я даже не успела осознать этого — только почувствовала холод, словно с меня содрали не кусок ткани, а последнюю защиту.

Потом он схватил меня за волосы и потащил к лестнице.

Я вскрикнула — и тут же прикусив губу, потому что наверху спали дети. Мои девочки. Я думала об этом, как о своем единственном якорю.

Только бы не разбудить. Только бы не напугать.

— Ты виновата, — прошипел муж. — Ты во всём виновата сама... Как ты этого не понимаешь.

Я цеплялась за лестницу, за стену, за всё, что попадалось под руки, но каждая моя отчаянная попытка спастись лишь усиливал боль — он тянул сильнее, жёстче, будто хотел вырвать мне волосы.

— Ислам, пожалуйста... — я задыхалась от слёз и страха. — Остановись. Прошу тебя. Дети... Там дети спят...

— Замолчи, — сказал он глухо. — Ты сама до этого довела.

Слова тонули в воздухе. Он их не слышал. Или не хотел слышать.

В какой-то момент я поняла: он не остановится. Ни от слёз. Ни от просьб. Ни от упоминания детей. В нём было что-то каменное, чужое, страшное — как будто передо мной стоял не человек, а голая решимость доказать свою власть.

Он втолкнул меня в спальню и захлопнул дверь.

Я сползла на пол, дрожа всем телом, стыдливо прикрываясь разорванной тканью.

Последнее, о чём я подумала, прежде чем всё внутри оборвалось: если я останусь с ним — однажды он меня сломает. А мои дети вырастут в этом аду, с твердым пониманием о том, что **так** можно поступать... Что это — норма.

И эта мысль — ясная, страшная — стала первой искрой будущего побега.

Ислам подхватил меня и швырнул на кровать так, что воздух выбило из лёгких. Потом навис сверху — тяжёлый, чужой, с этим стеклянным, нечеловеческим взглядом, в котором я не узнавала собственного мужа.

В этот момент я перестала бороться. Я больше не кричала, не сопротивлялась. Не потому, что смирилась, а потому что до конца осознала свою беспомощность.

Я думала только о том, чтобы это быстрее закончилось, и чтобы дети не проснулись. Смотрела в потолок сквозь пелену слёз, и чувствовала, как внутри меня что-то умирает. Последняя иллюзия. Последняя надежда на счастье.

Закончив, Ислам отстранился так резко, как будто всё, что происходило секунду назад, перестало иметь для него значение. Я услышала, как он тяжело выдохнул, поправил одежду. Этот звук — шуршание ткани, металлический щелчок пряжки — навечно врезался в мою память.

Он посмотрел на меня сверху вниз — в этом взгляде было удовлетворённое спокойствие человека, который взял своё и больше не обязан задерживаться.

— Приведи себя в порядок, — приказал он. — И запомни: так будет всегда, пока ты не научишься нормально себя вести.

Потом он просто развернулся и вышел.

Я осталась одна в смятой постели, с вырванными волосами, с разорванной одеждой и с ощущением, будто меня растоптали. Прижала ладонь ко рту и беззвучно зарыдала, захлёбываясь слезами, потому что не имела права кричать — ни сейчас, ни, как оказалось, никогда больше.

Слёзы текли беззвучно, одна за другой, и каждая была как маленькое прощание — с тем Исламом, которому я однажды безоговорочно поверила.

С тем, кто говорил со мной вполголоса, будто боялся спугнуть. Кто смотрел так, словно я была чем-то драгоценным и очень хрупким. Я вспомнила его руки — тогда они были тёплыми, осторожными, чуткими. Вспомнила, как он впервые коснулся меня, и сердце ударилось о рёбра так сильно, что перехватило дыхание.

Тогда он казался крепостью. Опорой. Мужчиной, за чьей спиной можно спрятаться от всего мира.

«Куда он исчез? — думала я с горечью. — В какой момент этот человек... умер?»

Теперь рядом был незнакомец. Чужой. Жестокий. С холодными глазами, в которых не было ни трепета, ни сомнений — только право и власть. Человек, для которого я перестала быть женщиной и стала функцией, обязанностью, телом.

И сколько бы я ни плакала, сколько бы ни цеплялась за воспоминания, вернуть его обратно было нельзя. «Того» Ислама, похоже, больше не существовало.

А значит, и «та» Мадина тоже должна была исчезнуть.

Глава 8

Подготовка к свадьбе началась сразу же — на следующий день. Если Ислам принимал какое-либо решение, оно не обсуждалось — оно исполнялось быстро и чётко.

— Нужно всё сделать в ближайшие недели, — отдал он приказ.

И дом наполнился движением. Телефон Ислама не умолкал: мероприятие должно было стать по-настоящему роскошным — совсем не как наша с ним довольно скромная свадьба. Старшие мужчины обсуждали условия, младшие выполняли поручения. Женщины выбирали наряды — для них это был всего лишь очередной повод выгулять свои брильянты.

Никто не говорил вслух, что невеста уже беременна, но об этом знали, кажется, вообще все. И делали вид, что всё идёт «как положено».

Нельзя было затягивать: никакого долгого сватовства, никаких месяцев ожидания. Главное — узаконить ребёнка. Всё остальное вторично.

Я наблюдала за этим со стороны, чувствуя себя прозрачной. Со мной почти не разговаривали, меня игнорировали. Даже смотрели сквозь меня.

И это было самым страшным. Меня будто аккуратно отодвинули в сторону, чтобы я не мешала.

Ислам ходил по дому воодушевленный, даже довольный. Он словно вернул себе утраченное равновесие, ту уверенность, которую, как мне казалось, он потерял после рождения второй дочери. Теперь у него был план. Был сын. Было будущее, в котором для меня не оставалось места, кроме отведённого.

Я всегда знала, что мужчина имеет право на вторую жену, если он может обеспечить её так же, как и первую. Ислам мог. У него было столько денег, что он мог взять и третью, и четвёртую. Но мне всегда казалось, если мужчина по-настоящему любит, то ни за что на свете не отодвинет женщину на второй план.

Ислам, видимо, меня уже не любил.

Каждый день, наблюдая за торопливой подготовкой, я умирала внутри. И мне даже не на кого было опереться. У меня не было никого и ничего на свете — ни одного плеча, к которому можно приклониться, ни одной двери, за которой можно укрыться. Ни имени, которое кто-то произнёс бы вслух в мою защиту.

А у Ислама была не просто семья — а крепко спаянный клан, где каждый был опорой, стеной, оружием.

Один из его братьев был главным врачом городской больницы, другой владел половиной коммерческих помещений в городе, третий занимал должность прокурора. Четвёртый — адвокат, знавший, как превратить любой проступок в недоразумение, а любую жертву — в виноватую.

Вместе они владели городом.

Пойти против этой машины — это глупость, без шанса на победу.

Я понимала это слишком хорошо.

Если бы я пожаловалась — меня бы пристыдили. Если бы попыталась уйти — меня бы вернули. Если бы я попыталась бежать...

Об этом даже думать бессмысленно. Без шансов.

Я ловила себя на том, что хожу по дому тише, чем раньше. Что стараюсь не попадаться на глаза, не задерживаться в общих комнатах, не слушать разговоры, в которых решалась моя судьба без моего участия. Я стала тенью — законной женой, чьё присутствие терпели, но чьё мнение больше не учитывали.

Дата уже была объявлена. Осталось обсудить детали и закрыть последние вопросы: подарки, наряды.

Я узнала об этом позже всех остальных — вечером, когда ко мне заглянула жена одного из братьев Ислама. Алия всегда была ко мне добрее и снисходительнее остальных. У неё тоже рождались девочки, но, в отличие от меня, здоровье позволяло ей рожать каждые два года, и её третьим ребёнком стал долгожданный мальчик. Она пришла проводить детей, спросить, как я себя чувствую. Мы долго говорили ни о чём, но главную тему игнорировать становилось всё трудней, словно гигантского слона в комнате.

А потом Алия достала телефон.

— Я сегодня видела её, — сказала она тихо и огляделась, словно в детской кто-то мог нас подслушивать. — В ресторане...

Я не спросила «кого». Мне не нужно было. Это было слишком очевидно.

И, прежде чем я успела сказать, что не хочу её видеть, она повернула ко мне экран.

Фотография была сделана украдкой, издалека. Плохой ракурс, неидеальный свет — но даже так было очевидно, что девушка очень красивая. И очень молодая.

Она сидела за столом, нарочито покорно опустив глаза с наклеенными ресницами.

— Тихая, — продолжала Алия, украдкой наблюдая за мной. — Вроде воспитанная. Старшим понравилась.

Я смотрела на экран и чувствовала, как внутри всё холодеет.

Чем дольше я всматривалась в фотографию, тем отчётливее видела то, что сначала ускользнуло от взгляда. Её лицо было слишком... совершенным. Скулы — явно не той формы, которую даёт природа. Губы — чрезмерно полные, яркие. Кожа — безупречная, как после бесконечных уколов и процедур. Это была красота, собранная по частям умелыми руками косметологов.

И платье. Скромное закрытое платье было покрыто стразами и блёстками так плотно, что резало глаза. Будто она сидела не за семейным столом, а под софитами. Даже платок — да, платок на ней уже был — не скрывал, а подчёркивал. Он был частью образа, аксессуаром, ещё одним элементом роскоши, а не знаком скромности.

Я вернула Алии телефон. Руки слегка дрожали, и я крепче прижала к себе Сафию.

— Она знает обо мне? — спросила я, не поднимая глаз.

— Конечно знает. Ты не переживай. Всё будет... как положено.

Как положено.

Эти слова всегда означали только одно: тебе придётся смириться.

— Мне она показалась неплохой девушкой, — продолжила говорить Алия. — Спокойной. Ты смотри, может вы даже сможете поладить...

— А ты... — я подняла на неё глаза. — Что бы ты сделала, если бы узнала, что твой Амир собирается взять вторую жену?

— Я? Зарезала бы! Обоих! — ответила она резко.

Я вздрогнула, а Алия, заметив мою реакцию, усмехнулась.

— Ну а если честно, — продолжила она уже тише, — сначала именно так и думаешь. В груди всё горит, руки трясутся, кажется, что если не сделаешь что-то прямо сейчас, то просто умрёшь.

Она немного помолчала.

— А потом проходит. Потому что ты смотришь по сторонам и понимаешь, где ты живёшь. В какой семье. С каким мужем. С какими законами...

Она посмотрела куда-то в сторону, пряча боль в глазах.

— Ты злишься. Плачешь. Ненавидишь всех. А потом... смиряешься. Потому что иначе — будет хуже. Для тебя. Для детей. Кому станет легче от того, что ты сойдёшь с ума от ревности? Проще смириться.

Это слово прозвучало так обыденно, будто речь шла о плохой погоде, к которой просто нужно привыкнуть.

— А как же любовь? — спросила я, сама не зная зачем.

Она посмотрела на меня с жалостью.

— Любовь — это роскошь, Мадина. Она хороша, когда не мешает порядку. А когда мешает — от неё избавляются первой.

Я опустила взгляд на Сафию, которая тихо сопела у меня на руках.

— Ты привыкнешь, — сказала Алия напоследок, направляясь к двери. — Все привыкают. Абсолютно все...

Но в этот момент я уже понимала: если я смирюсь — от меня ничего не останется. Я просто не могу смириться, чтобы не потерять самое дорогое, что у меня есть — саму себя.

Глава 9

Он вошёл очень тихо, но я кожей почувствовала его приближение ещё до того, как услышала шаги. Я кормила Сафию и старалась не думать ни о чём, кроме её тёплого дыхания. Эти минуты нашего полного единения были моим единственным спасением.

Ислам остановился в шаге от меня, но я даже не подняла голову. После той ночи мы ещё ни разу не оставались наедине. Можно было бы подумать, что он избегает меня, потому что его мучает чувство вины, но, на самом деле, ему просто было всё равно.

Раны на моем теле затянулись, синяки сошли, боль стала терпимой. Но сердце было разбито вдребезги.

— Назначена дата, — произнёс Ислам. — Но тебе, наверное, уже доложили...

У меня на мгновение потемнело в глазах.

— Доложили, — ответила я тихо.

Он кивнул и опустил взгляд на ребёнка. На секунду мне показалось, что в его лице мелькнуло сомнение — тень, отблеск чего-то человеческого. Но оно исчезло так же быстро, как появилось.

— Свадьба послезавтра, — объявил он спокойно и буднично. — Ты должна будешь присутствовать.

— Ты хочешь, чтобы я была на свадьбе? — переспросила я, не веря своим ушам. — Но я не смогу...

Ислам нахмурился, как будто мои слова были чем-то совершенно неуместным.

— Это будет большой праздник. Соберётся весь город, приедет вся родня. Ты обязана быть там и вести себя так, как подобает первой жене. С почтением к младшей...

Должна. Я всегда была кому-то что-то должна.

Сафия отпустила грудь и заплакала — словно почувствовала напряжение, которое охватило меня. Я прижала её к себе, начала покачивать, шепча бессмысленные слова, которые обычно её успокаивали. Сегодня они звучали пусто даже для меня.

— Почтение, — повторила я глухо. — Ты правда считаешь, что я на это способна?

— Ты обязана.

— Ты хочешь, чтобы я улыбалась ей? Кланялась? Благодарила?

— Именно.

— После всего... Что ты со мной сделал?

Он напрягся, словно я произнесла запретное слово.

— Ты моя жена, — резко сказал он. — И между нами не произошло ничего, что бы ни было дозволено.

В этот момент в комнату вошла служанка и застыла за спиной Ислама. В её руках был большой свёрток, аккуратно упакованный в бумагу.

— Покажи ей, — приказал Ислам.

Служанка разложила бумагу прямо передо мной.

Платье раскрылось, как ослепительный цветок.

Я никогда в жизни не видела ничего подобного. Тяжёлая, дорогая ткань переливалась в свете лампы, вышивка была тонкой, почти ювелирной, камни ловили каждый луч и возвращали его вдвойне. Это было не просто платье. Такое надевают только на особенное событие, где каждая деталь должна кричать о статусе, богатстве, власти.

Я представила себя в этом роскошном наряде на свадьбе собственного мужа, и горло сжалось так, что я не смогла вдохнуть. Это платье было не подарком. Оно было маской, которую мне предстояло надеть, чтобы красиво и достойно пережить собственное унижение.

— Это для тебя, — сказал Ислам. — Ты должна выглядеть соответственно.

— Спасибо, — выдавила я наконец, потому что знала: другого ответа для него не существует.

Ислам кивнул, удовлетворённый. Потом сказал служанке, чтобы она вышла, и наклонился ко мне — от тяжести его присутствия, от знакомого запаха, холодного блеска в его глазах, у меня внутри всё сжалось в тугую узел.

— Послушай меня внимательно, — сказал он тихо. — Если ты только посмеешь что-то выкинуть... Одно слово. Один взгляд. Одна попытка меня опозорить... я тебя уничтожу. Ты понимаешь, о чём я говорю? У тебя нет права на ошибку. Есть только я — и моя воля. И моя воля говорит, что ты будешь идеальной. Ты будешь улыбаться. Ты будешь приветствовать её. Ты покажешь всем, что в моём доме порядок.

Я подняла на него глаза.

— Ты же знаешь... Я никогда не перечила тебе. Никогда не делала ничего плохого.

— Я и не думал, что ты осмелишься, — перебил Ислам. — Ты не из тех, кто на это способен. Но даже взгляд, Мадина. Даже жест. Даже тень на лице. Всё это недопустимо. Ты должна продемонстрировать покорность, и не только мне. Всем. Чтобы ни у кого не возникло сомнений, что в моём доме всё под контролем.

— Я понимаю, — прошептала я.

Он удовлетворённо выпрямился.

— Вот и хорошо. Тогда у тебя не будет проблем.

Глава 10

День свадьбы наступил слишком быстро — я всё ещё не была готова к тому, что сегодня моя жизнь изменится раз и навсегда.

С раннего утра дом гудел, словно улей. Пахло свежей выпечкой, сладостями, чем-то пряным и тёплым — тем самым запахом, который обычно ассоциируется с праздником. И только для меня этот запах был удушающе горьким.

Амина бегала по дому, как маленький солнечный зайчик. Наряженная в роскошное платье, она напевала песенку, крутилась перед зеркалом, радовалась шуму, подаркам и гостям.

— Мама, у нас праздник? — спросила она, с восторгом принимая очередную милую безделушку, которые дарили ей женщины.

— Да, — ответила я, заставив себя улыбнуться. — Праздник.

Она ничего не знала. И не должна была узнать. А я должна была сохранить лицо спокойным и не дать пролиться слезам, хотя бы ради неё. Она ещё слишком маленькая...

Для неё это был праздничный день — когда дом оживает, когда взрослые наряжаются, когда можно бегать и смеяться, не получая замечаний. Я смотрела на неё и ловила себя на том, что хочу запомнить эту её беспечность и смех — на тот случай, если впереди нас ждут тяжёлые испытания...

Служанка помогла мне надеть платье, которое подарил мне Ислам. Я посмотрела на своё отражение в зеркале и не узнала себя.

Оно сидело идеально. Ткань струилась по фигуре, вышивка мягко ловила свет, камни мерцали, подчёркивая каждое движение. Это было платье женщины, которой можно позавидовать. Женщины, у которой, по мнению окружающих, есть всё — богатый и влиятельный муж, дом — полная чаша, чудесные дети.

А я смотрела на себя и чувствовала, как внутри поднимается волна — горячая, солёная, невыносимая.

«Только не плачь, — повторяла я себе. — Только не сегодня. Ислам не простит тебе этих слёз!»

Но глаза всё равно предательски щипало. Горло сжималось из-за подступающих рыданий. Я стояла, вцепившись пальцами в край туалетного столика, и дышала глубоко, пытаюсь успокоиться.

Сегодня мне будет очень трудно не заплакать.

Сегодня тысячи глаз будут впиваться в моё лицо, пытаюсь понять, что же я на самом деле чувствую. Но я ни за что на свете не должна показать своих истинных чувств.

Я гордо подняла подбородок, выпрямила спину и заставила своё отражение смотреть мне прямо в глаза.

Если этот день нельзя отменить, я должна пережить его достойно. Нельзя позволить себе рассыпаться — хотя бы ради дочери.

Я прикрыла глаза — всего на мгновение, чтобы не дать слезам пролиться — и память вдруг отбросила меня на несколько лет назад.

Тогда моя мама начала болеть. Сначала её мучала усталость, потом бессонные ночи, затем резкая худоба, которую она пыталась скрыть под просторной одеждой. Когда она обратилась за помощью к врачам, было уже слишком поздно. Лечение было возможно, но стоило таких космических денег, что мне становилось плохо от одной только мысли.

Помощи ждать было неоткуда. Окружающие сочувствовали, но сочувствие не оплачивало счета.

И тогда, в отчаянии, я сделала то, что казалось почти унижительным.

Я обратилась к родственникам отца.

Мы не общались. После его смерти связь оборвалась сама собой — просто потому, что моя мать была «не из их мира». Я, ребёнок того брака, который не одобрили его родители, была для них невидимкой. И уж точно у них не было ровным счётом никаких причин для того, чтобы помогать моей матери. Она была им никто.

Но отчаяние стирает гордость и дарит безумную, глупую надежду.

Я нашла контакты и позвонила. Нервно и задыхаясь, объясняла, что мне больше не к кому обратиться. Я не ждала чуда. Я даже не ждала ответа — скорее, просто закрывала последнюю дверь, прежде чем остаться в полном одиночестве и отчаянье.

«К тебе заедет Ислам, — сказали мне вдруг. — Он как раз живёт в вашем городе. Он разберётся...».

Я помню тот день до мелочей.

Был ясный полдень. Я стояла у окна, когда во двор въехала чёрная машина и оттуда вышел высокий, статный молодой человек. Он тогда был намного моложе, чем сейчас, но уже настолько же самоуверен. Прямая спина, спокойный, пронзительный взгляд, уверенные движения человека, который привык, что его слушаются. Он говорил мало, по делу и без лишних эмоций. Задавал вопросы. Смотрел на меня внимательно. Слишком...

Он не жалел меня, не выражал безграничное сочувствие. Он просто сразу же сказал, чем конкретно сможет помочь.

— Я всё организую. Отвезу её в Москву, найду лучших врачей. Разумеется, всё оплачу. Я не гарантирую чуда, но я сделаю всё, чтобы её спасти.

У меня подкосились ноги. Я села, потому что после таких слов не могла стоять. Хотела сказать хотя бы слова благодарности, но он остановил меня.

— Это наш долг — помогать членам нашей семьи. Мы всегда так делаем. Без исключений.

Я тогда ещё не знала, кем он станет для меня, кем стану я для него. Я просто смотрела на этого мужчину и понимала, что он — моя последняя надежда.

И он сдержал своё слово.

Он задействовал всё, что у него было: связи огромного клана, деньги, влияние, знакомства с нужными людьми. Благодаря Исламу, я смогла поехать с мамой в Москву и последние её дни всё время держала её за руку.

Он сделал всё, что мог. И даже больше.

Но было уже слишком поздно. Ни деньги, ни связи, ни лучшие специалисты не могли повернуть время вспять. Если бы мы обратились за помощью раньше, ей подарили бы как минимум ещё несколько лет.

В тот день, когда всё закончилось, я сидела у её кровати, а Ислам стоял чуть поодаль, у двери. Я чувствовала его присутствие спиной, кожей, дыханием. Потом он подошёл ближе, положил руку мне на плечо.

— Ты не одна, — сказал он тихо. — Запомни. Наша семья не оставит тебя...

Я знала, что обязана ему слишком многим. Знала — и это знание ложилось на плечи тяжёлым грузом. После того, как мамы не стало, я не могла остаться прежней. Что-то ушло вместе с ней, и на этом месте осталась только боль. Боль и благодарность человеку, который скрасил и облегчил её последние дни.

Он не исчез после похорон. Он приходил — не каждый день, но регулярно. Иногда просто сидел со мной, позволяя мне говорить всё, что на душе, или плакать. Иногда говорил сам — и однажды заговорил со мной о вере. Он сказал, что только вера может стать для меня опорой в этом мире. Опорой и маяком. Что когда у человека отнимают всё, остаётся только то, что внутри.

Он объяснял мне простые вещи. Почему смерть — не конец, а переход. Почему мама не исчезла, а ушла туда, где нет боли. Почему Аллах посылает нам только те испытания, которые мы способны вынести.

Я слушала его, как ребёнок, которому впервые становится не так страшно в темноте.

А ещё он говорил, что моя кровь помнит больше, чем я думаю. Что мой отец, если бы был жив, порадовался бы, увидев меня — не потерянную, не сломанную, а возвращающуюся к себе настоящей.

— Ты нам не чужая, — сказал мне Ислам. — Ты просто слишком долго жила вдали от семьи.

Когда он впервые взял меня за руку, я вздрогнула — не от страха, а от того, насколько это было... правильно. Как будто я всегда шла к этому и просто не знала дороги.

Он сразу же объявил мне, что я стану его женой. Что он возьмёт на себя ответственность за мою жизнь, что я всегда буду под его защитой. Я согласилась — не только из-за любви, но и из-за благодарности и желания наконец перестать быть одной.

Тогда он был другим. Тогда я была другой.

И я ещё не знала, что впереди нас ждут испытания, которые навсегда изменят нас обоих. Испытания, после которых сказка начнёт превращаться в кошмар.

Глава 11

После свадьбы оказалось, что статус «его жены» подразумевает не только защиту, но и то, что моё «я» будет полностью стёрто. Конечно, это подавалось под соусом бесконечной заботы. Например, Ислам всегда говорит:

— Зачем тебе ходить в магазин самой? Водитель привезет всё необходимое!

Мои робкие попытки продолжить обучение в университете пресеклись на корню.

— Диплом? — удивлённо переспросил Ислам. — Зачем жене такого человека, как я, диплом? Тебе всё равно никогда не придется работать. Твоя работа теперь — наш дом.

Я пыталась спорить. Говорила, что мне важно закончить образование, что я мечтала об этом. Но он посмотрел на меня так, будто я была неразумным ребенком, просящим ненужную игрушку.

— На улице опасно. Ты знаешь, сколько у меня врагов? Один твой шаг за ворота без охраны — и ты станешь мишенью. Ты не представляешь, что могут сделать с тобой, чтобы ударить по мне. Ты этого хочешь?

Я замолкала. Мне было страшно стать причиной его беды, и я послушно заперлась в своих четырех стенах. Подруги, которых и раньше было немного, исчезли сами собой. Ислам не запрещал им приходить к нам в гости — но сделал так, чтобы общение со мной стало для них невыносимым. Постоянные допросы охраны на входе, проверка сумок, его тяжелый взгляд... Вскоре мой телефон замолчал окончательно.

Забота превратилась в изоляцию. Роскошный дом — в золотую клетку. Забор становился всё выше, а охрана у ворот — всё более немногословной и угрюмой.

Столкновение с реальностью произошло внезапно и больно. Как-то раз я подошла к его кабинету, чтобы позвать на ужин, и случайно услышала обрывок разговора. Голос Ислама, обычно такой вкрадчивый и мягкий, когда он цитировал мне строки о милосердии, теперь звучал как лязг стали. Он отдавал приказы. Короткие, страшные. В тот вечер я впервые увидела людей, которые приходили к нему не за советом, а за «решением проблем». И в их глазах было не уважение, а страх.

Мой благородный наставник, мой «маяк», оказался главой преступного мира.

Сразу же, как умер его отец, он принял на себя бразды правления «семейным бизнесом» — огромным, пугающим синдикатом, о масштабах которого я могла только догадываться. Его братья стояли за его спиной на полшага позади. Им достались роли «сопутствующих», исполнителей его воли. Ислам же стал солнцем, вокруг которого вращалась их темная вселенная.

Но я уже даже не сопротивлялась. В какой-то момент Исламу удалось убедить меня, что мир снаружи — это хаос, а здесь, за высокими заборами, — единственное место, где я могу быть в безопасности. Я была готова прожить жизнь, не видя ничего, кроме этого сада и роскошных комнат, если бы у меня малыш. Ребёнок стал бы моим смыслом жизни, заполнил бы эту звенящую пустоту.

К тому же, Ислам ясно дал понять, что с нетерпением ждёт, когда у нас родится наследник.

Но месяц шел за месяцем, а заветные полоски на тесте так и не появлялись.

И тогда маска «заботливого мужа» начала трескаться, обнажая под собой нечто уродливое.

Ислам не умел проигрывать. Он был человеком, чье слово было законом для тысячи людей, и не мог принять того, что какая-то природная случайность смеет ему перечить. Его разочарование не было тихим или сочувственным. Оно было ледяным и обвиняющим.

— Ты должна была принести в этот дом жизнь, Мадина, — сказал он однажды, глядя на меня так, будто я была бракованным товаром, за который он переплатил. — Я дал тебе всё! А ты... Ты не можешь дать мне самого малого!

Он начал возить меня по клиникам, как вещь на техосмотр. Процедуры, анализы, бесконечные допросы врачей... Я чувствовала себя не женщиной, а неисправным механизмом. А будущий ребенок был для Ислама не плодом любви, а еще одним активом. Символом его власти. И если я не могу произвести этот актив на свет, я становлюсь для него бесполезной.

Ужины, на которых собиралась вся семья, превратились в изощренную пытку. Старшие родственники Ислама не стеснялись в выражениях.

— Дом без детского смеха — это склеп, Ислам, — бросил как-то его дядя. Его взгляд, тяжелый и пренебрежительный, мазнул по мне, как по пустому месту. — Семья ждет наследника. Люди шепчутся. Говорят, что глава синдиката не может справиться с собственной спальней.

Я видела, как на шее Ислама вздулась вена. Он не защитил меня. Не сказал, что любит меня любой. Вместо этого он сжал вилку так, что побелели костяшки пальцев, и процедил:

— Все будет. В свое время.

Но «время» истекало. Для него каждое такое слово было ударом по его эго и мужественности, по его власти. И каждый этот удар он выплескивал на меня — не криком, а ледяным, убивающим презрением.

Кульминацией этого презрения стал визит в частную клинику к профессору. Ислам не остался в коридоре. Он вошел в кабинет, как хозяин, и сел напротив врача, игнорируя мое присутствие, будто я была неодушевленным предметом.

Я сидела на холодном кресле, чувствуя себя абсолютно обнаженной и беззащитной.

— Слушайте меня внимательно, — голос Ислама был тихим, и от этого более страшным. — Я вложил в эту женщину достаточно. Я обеспечил ей лучшие условия. Почему я не вижу результата?

Профессор, пожилой мужчина, пытался что-то объяснить:

— Ислам Русланович, организм женщины — тонкий инструмент. Постоянный стресс, психологическое давление... Вашей супруге нужно расслабиться, возможно, сменить обстановку...

Ислам резко встал, и стул с грохотом отлетел к стене. Он подошел ко мне, схватил за подбородок и заставил посмотреть ему в глаза. Его пальцы впились в мою кожу так, что я едва не вскрикнула.

— Ты слышала? — прошипел он мне в лицо, а затем повернулся к врачу. — Сменить обстановку? Она живет как королева! Если этот «инструмент» не работает, значит, он сломан. Скажи мне прямо, доктор: она способна родить мне сына, или мне пора искать ту, которая справится со своей единственной задачей?

Когда на свет наконец появилась Амина, я получила небольшую передышку.

Ислам заметно смягчился. Он подарил мне кольцо, которое стоило целое состояние, а в его глазах появилось нечто похожее на тепло.

— Она чудесная, — сказал он однажды, возвращая мне спящую Амину. — Но дому нужен наследник, который однажды примет все мои дела. Не затягивай с этим.

Амине не исполнилось и трёх месяцев, когда Ислам решил, что я достаточно восстановилась. Мое тело снова стало объектом планирования, графиков и медицинских манипуляций.

Первый выкидыш случился на восьмой неделе. Второй раз всё закончилось на третьем месяце.

— Опять? — только и сказал тогда мой муж. — Что с тобой не так? Врачи говорят, ты здорова. Может, ты просто не хочешь этого ребенка? Может, ты делаешь это специально, чтобы досадить мне?

Третий выкидыш превратил мою жизнь в руины. После него Ислам перестал притворяться человеком. Его ярость больше не знала границ.

— Моя мать родила пятерых сыновей! — кричал он, и в этот раз его рука не просто сжала мой подбородок — он толкнул меня на кровать. — Жены моих братьев рожают каждый год! Только ты... Ты — мое наказание!

Я поняла, что он не остановится. Он будет мучить мое тело и душу, пока не получит наследника или пока я не умру.

Очередную беременность я не ходила — я её вымаливала. Каждый день был как хождение по тонкому льду. Я почти не дышала, не двигалась, я превратилась в живой инкубатор, покорно принимающий любые лекарства и бесконечные уколы.

Мне сразу же сделали генетический тест, который подтвердил, что у нас снова будет дочка. Ислам не поверил ему, как не поверил ни одному из последующих УЗИ.

Но чуда, о котором он просил, так и не произошло. Мой приговор был подписан.

Глава 12

Тогда, перед свадьбой, я еще и не помышляла о побеге. У меня не было на это сил, не было плана, и, самое главное — внутри меня выгорело всё, что могло бы питать решимость. Глядя на себя в зеркало, я видела покорную, забитую женщину — потухший взгляд, бледные губы. Ислам победил: он внушил мне, что за пределами этого дома я — ничто, а здесь я хотя бы «мать его детей». Пусть и не тех, которых он ждал.

Я послушно надела платье, которое подарил мне Ислам — роскошное, но закрытое до самого подбородка. Интересно, каким же будет платье невесты, если меня нарядили в такое? Моей задачей сегодня было стать фоном, на котором Хадижа — так звали теперь его невесту — будет сиять ещё ярче.

Выезд в ресторан напоминал парад. Десятки черных внедорожников, рев моторов, сигналы, от которых закладывало уши. Ислам ехал в первой машине с Хадижей. Я — в третьей, вместе с няней и дочерьми.

Это была не просто свадьба — это была демонстрация силы, триумф власти Ислама над городом. Вся «элита» и «сливки общества» пришли засвидетельствовать почтение королю преступного мира.

Внутри зал ослеплял. Византийская роскошь здесь смешалась с современным китчем: огромные хрустальные люстры весом в тонну каждая дрожали от басов музыки, столы ломились от деликатесов. Стены были задрапированы тяжелым шелком, а на подиуме, утопая в белых лилиях и розах, восседал Ислам со своей новой женой.

Я вошла в зал, опустив голову, стараясь не смотреть по сторонам — взгляды сотни людей кололи меня, как иглы. Сочувственные, а порой и злорадные взгляды жгли мне кожу.

Мое место было не за главным столом, а в стороне, где меня почти не было видно.

Мои же глаза, вопреки воле, постоянно возвращались к ней. К Хадиже. Она была не просто красива — она была ослепительна своей яркой, хищной красотой. В ней не было ни следа той робости, которую я чувствовала в свой свадебный день. Она не опускала взгляд перед Исламом. Напротив, смотрела на него с искоркой вызова в глазах. Она была похожа на молодую породистую кобылицу, которая знает свою цену и гордится тем, в чьи руки она попала. Её губы, подкрашенные помадой, часто изгибались в полуулыбке. Это была улыбка победительницы.

Я пыталась представить нашу жизнь в одном доме. В идеальном мире мы могли бы стать почти сестрами. Я бы учила её порядкам в доме, помогала бы советом, но будет ли она почтительна ко мне? Станем ли делиться горестями, которые неизбежны в браке с таким человеком, как Ислам? Как она будет вести себя с моими девочками?

В какой-то момент Хадижа перевела взгляд на мой стол. Наши глаза встретились всего на секунду, и мне показалось, что в её взгляде промелькнуло что-то похожее на любопытство, смешанное с пренебрежением.

— Она так молода, — прошептала сидевшая рядом со мной тетка Ислама, заметив мой взгляд. — Но кровь у неё горячая. Тебе, Мадина, придется набраться терпения.

— Пора, — раздался над моим ухом голос брата Ислама. Его рука легла мне на плечо.

Самый тяжелый момент для меня настал — обряд, когда первая жена должна была поприветствовать вторую. Это должен был быть публичный акт моего смирения.

Когда меня подвели к подиуму, где сидели «молодые», музыка стихла. Хадижа сидела, выпрямив спину, и на её пухлых губах играла торжествующая улыбка.

Я подошла к ней, поприветствовала — но мой голос был едва слышен. Мои руки дрожали, когда я протянула ей подарок — тяжелый золотой браслет.

Я сделала то, чего хотел мой муж — склонила голову перед той, кто заняла моё место в его постели и в его сердце. И, чтобы прилюдно подтвердить свое согласие, я должна была исполнить танец. Танец признания. Танец капитуляции.

Музыка изменилась. Грохот барабанов стих, уступая место тягучей, плачущей мелодии. Сотни глаз устремились в мою сторону.

Мои ноги казались чужими, налитыми свинцом. Но я всё равно вышла в центр круга — огромное пространство, залитое светом прожекторов.

Это был медленный танец, где руки должны были двигаться плавно, как крылья подбитой птицы. Мой взгляд должен был быть прикован к полу — знак высшего смирения.

Я плыла по кругу, чувствуя на себе взгляд Ислама. Он не смотрел на Хадижу. Он смотрел на меня. Это был его личный момент истины. Он сокрушил меня окончательно. Он заставил женщину, которую когда-то называл своей душой, танцевать на свадьбе соперницы.

Когда музыка достигла пика, я должна была подойти к подиуму и склониться в глубоком поклоне перед Хадижей и Исламом. Это был финал. Момент, когда толпа обычно взрывается аплодисментами, одобряя мудрость и выдержку старшей жены.

Моё дыхание было рваным, сердце билось где-то в горле, выталкивая наружу горький ком обиды, который я так старательно глотала.

— Я принимаю тебя в этот дом, Хадижа, — прошептала я. — Будь верной женой нашему мужу.

Хадижа милостиво кивнула. Ислам бросил на середину круга пачку денег, и банкноты закружились в воздухе.

Зал взорвался криками и аплодисментами, празднуя триумф своего вожака. Едва удерживаясь на ногах, я побрела обратно в свой угол. Я сделала то, что должна, и верила, что эта жертва купит мне мир.

Но, проходя мимо братьев Ислама, я услышала короткий смешок:

— Видал? Совсем обмякла. Как тряпка. Ислам прав, такая в доме надолго не задержится. Как только Хадижа родит, эту отправим в горный аул, к дальним родственникам. Без детей. Зачем ей дети, если она не смогла родить наследника?

Глава 13

Праздник отгремел, оставив после себя привкус горечи. В стенах дома остались только мы: глава семьи, его новая королева и я — тень, которой позволили остаться в углу.

Я мечтала только об одном — доползти до детской, прижаться к теплому боку Амины и забыться сном без сновидений. Но едва я коснулась перил лестницы, ледяной голос Ислама остановил меня:

— Хадиже нужна помощь. Зайди к ней.

Когда я вошла в спальню — ту самую, где когда-то я сама в страхе и надежде ждала его, — Хадижа уже стояла посреди комнаты. В тусклом свете ночников она казалась нереальной красавицей, сошедшей с полотен о восточных пленницах.

Но в её гордой позе не было ничего от пленницы.

— Помоги мне, — бросила она, не оборачиваясь. — Это платье весит целую тонну! У меня уже сводит плечи.

Я замерла у порога. Мои руки непроизвольно сжались в кулаки, прячась в складках ткани.

— Я сейчас позову Зарему или ещё кого-то из служанок, — тихо ответила я. — Они привыкли помогать с такими нарядами. Они сделают всё быстрее.

Хадижа медленно повернулась. Её взгляд, дерзкий и изучающий, прошёлся по мне сверху вниз, задержался на моем лице, осунувшемся от усталости и горя. На её губах заиграла высокомерная улыбка.

— Зачем мне служанки, если есть ты? — произнесла она. — Служанки — это чужие люди. А ты ведь мне теперь не чужая, верно? Ислам сказал, что ты будешь моей опорой. Моей «старшей сестрой». Вот и начни исполнять свои обязанности!

Слово «обязанности» из её уст прозвучало как приговор, как хлёсткий удар плетью по открытой ране. Это был вызов. Акт установления иерархии. Она хотела, чтобы я, первая жена, признанная женщина этого дома, ей прислуживала.

Я подошла, чувствуя, как внутри всё каменеет.

— Не стой как истукан, расстегивай, — скомандовала она, снова отворачиваясь к зеркалу и подставляя мне спину. — Ислам скоро придет, я не хочу встречать его в этом панцире.

Мои пальцы, холодные и дрожащие, коснулись первого ряда крошечных жемчужных пуговиц.

— Ты должна быть мне благодарна, Мадина, — протянула она, и я увидела в отражении, как она довольно зажмурилась, когда корсет наконец ослаб. — Теперь тебе не придется мучиться, пытаясь угодить мужу. Я возьму это на себя. Ислам сказал, что ты... устала. Что тебе не хватает легкости.

Я молчала. Слова застревали в горле горьким комом. Мне хотелось спросить, знает ли она, скольких детей я не смогла родить, сколько слез впитала моя подушка, но я лишь продолжала механически расправляться с застежками.

— Какие у тебя холодные руки... — снова начала говорить Хадижа. — Они дрожат. Ты боишься меня? Или его?

Я продолжала молчать, сосредоточившись на бесконечном ряде жемчужных пуговиц. Каждый новый миллиметр освобожденной ткани открывал её безупречную кожу.

— Почему ты молчишь? — когда платье наконец соскользнуло с её плеч, Хадижа резко обернулась. — Ты что, думала, что будешь здесь единственной?

— Я желаю вам счастья, Хадижа, — мой голос прозвучал глухо. — И я надеюсь, что ты будешь добра к моим дочерям. Это всё, о чем я прошу.

Она рассмеялась, но в этом смехе не было тепла.

— Дети... — она махнула рукой. — Не переживай, если они не будут путаться под ногами и мешать, я их не замечу.

Платье опало к её ногам.

— Ты думаешь, я согласна делиться? — её голос упал до ядовитого шепота, от которого по моей спине пробежал озноб. — Я не буду «второй». Я не собираюсь делить своего любимого! В тот самый день, когда крик моего сына огласит этот дом, для тебя здесь не останется места. Я найду способ избавиться от тебя! А пока — подними платье. Оно слишком дорогое, чтобы валяться на полу.

Я смотрела в её глаза и видела в них теперь не просто капризную девчонку, а безжалостного врага. Прекрасная, юная и совершенно беспощадная. Мои надежды на «почтительность» и «сестринство» рассыпались в прах.

Я медленно наклонилась и подняла тяжелый подол. В этот момент я окончательно поняла: она не будет добра и к моим детям. Они для неё — препятствие, живое напоминание о том, что до неё здесь была другая.

— Уходи, — бросила она. — И не забудь про завтрак. Привыкай подчиняться той, кто скоро станет здесь единственной хозяйкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.